

МАЛЮТИНА Елена Мироновна. Воевала на Пе-2

Воевала на пикирующем бомбардировщике Пе-2. Во время войны награждена орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени. Награждена пятью орденами. Все боевые вылеты выполнила в составе 125-го гвардейского бомбардировочного авиационного Борисовского орденов Суворова и Кутузова полка им. Марины Расковой.

Я родилась в Петрограде, в канун Октябрьской революции.

В классе училось восемнадцать человек: десять девочек и восемь мальчиков. Мы так любили страну! Как мы хотели быть в армии! Как мы хотели защищать нашу святую Родину! Тогда был брошен клич: «Молодежь - на самолеты!»

Честно сказать, я хотела летать, и более того, другой профессии для себя не представляла. Сначала закончила планерную школу летали на планерах, запускаясь с резинового амортизатора.

В 1936 году окончила десятилетку и одновременно Ленинградский аэроклуб. Поступила в Батайское летное училище. Набор в отдельную женскую эскадрилью был всего 72 человека. Учились мы три года.

Инструктором в училище у меня была Губина Люба, которая впоследствии воевала командиром звена 125-го ГвБАП. Когда я пришла в полк, ее уже не было - погибла под Ельней. При подходе к цели у нее был поврежден мотор. Сопровождение ушло с основной массой самолетов, а ее звено отстало. На них напали истребители. Люба Губина дала команду покинуть самолет. Стрелок-радист выбросился, а штурман Катя Батухтина зацепилась лямкой парашюта за турель пулемета. Она увидела, что Катя висит, «дала ногу», и Катю сорвало потоком, а у нее самой уже не было высоты...

Окончив училище на У-2, я была направлена в уральскую авиагруппу, в Казань, в отряд спецприменения. Возили почту, рожениц из деревень в Казань, химобработкой занимались - в общем, спецприменение. «Мимино» смотрел? Ну вот и мы тоже коз возили.

Проработала два года и в 1940 году получила направление в Магнитогорск летчиком-инструктором 102-й учебной эскадрильи ГВФ. В отряде было 18 мужчин и я одна.

И сейчас-то женщине утвердиться в коллективе сложно, а в то время летали в основном мужчины. Да и, по правде говоря, авиация для женщин редко является жизненной профессией. В основном для одиноких, а замужние, да еще когда ребенок появится, уходят. Мне было 29 лет, я еще была в добром здоровье, когда демобилизовалась по беременности. А так, если бы не ребенок, могла бы еще летать и летать. Конечно, моя мечта исполнилась! Все эти 13 лет, которые я была в авиации, я была очень счастливой женщиной...

В конце 1942 года на меня пришел вызов на переучивание в ЗАП в Йошкар-Олу. С весны начали летать сначала на Р-5, потом - СБ. Дали десяток провозных полетов на спарке Пе-2, и мы вылетели самостоятельно. Всего мы налетали часов 30. Переучивание давалось легко, поскольку у меня уже было полторы тысячи часов налета.

Пикирующий бомбардировщик Пе-2

... в марте 1944 года мы, девять женских экипажей, полетели на фронт в 587-й БАП.

Свой первый боевой вылет я плохо помню, потому что было колоссальное напряжение. Нам сказали: «Ни о чем не думайте, штурмана будут бросать бомбы по ведущему. Ваша задача - удержаться в строю». Надо сказать, что женщины, как овцы, плотно жались друг к другу и строем хорошо ходили. Поэтому нас истребители любили прикрывать.

Что сказать про «пешку»? Сложный самолет. Планер был отличный, но моторы для него слабоваты. Тем не менее, хорошие экипажи на новых самолетах брали до 1200 килограмм бомб. Первой начала брать командир эскадрильи Федутенко, а за ней и мы подтянулись. Отрывалась она тяжело. На взлете не хватало сил поднять хвост. Поэтому штурман давила на плечи, помогая отжать штурвал.

Помню у Кати Федотовой, командира звена, отличного летчика, на взлете отказал мотор. Они развернулись и с бомбами садились на брюхо. На стоянке все замерли - ждут взрыва. Облако пыли - и тишина. Потом Катя рассказывала, что ее стрелок-радист озорная Тоська Хохлова вылезла на фюзеляж, достала пудреницу: «Катя, как же ты напылила!» Потом эта история ходила, как анекдот.

Летом 1944 года меня тяжело ранило. Вылет у нас был на бомбежку крупного железнодорожного узла. Погода была очень плохая: низкая облачность, дождь. Вдруг в два часа дня ракета. Полетели. Первая девятка отбомбилась, а когда наша девятка зашла, то цель закрылась облаком. Пришлось заходить еще раз. Если мы не привезем подтверждения, то вылет не засчитывался. Это ЧП. Слава богу, у нас такого не было.

Когда мы пошли на второй заход, мне стало дурно. Я говорю штурману Лене Юшенковой: «Похоже, что меня ранило». - «Держись, сейчас будем сбрасывать бомбы». Бомбы сбросили. Я чувствую, что у меня кружится голова. Вижу, что группа отходит. Лена мне дала понюхать нашатырь - стало полегче. Внизу большой лесной массив сесть негде.

Надо дотянуть до аэродрома истребителей. Зашли, сели. Я только помню, что поднялась с сиденья и потеряла сознание. Очнулась я уже в полевом госпитале под вечер. Долечивалась уже в Москве.

Сложно было летать после ранения. Первые вылеты мне казалось, что все зенитки стреляют только по мне. Потом опять привыкла. Конец войны меня застал в Восточной Пруссии. Мы на Данциг летали, на Пилау, Мемель. Это уже было, как прогулка. Потому что истребителей сопровождения было почти столько же, сколько бомбардировщиков. Опасность была только от зенитного огня.

Всего я совершила 79 боевых вылетов. К концу войны стала старшим летчиком. Такой небольшой рост по службе объясняется тем, что полк за время войны потерял всего двадцать восемь человек. Чем это объясняется? Не знаю. Не могу сказать, чтобы нас берегли. Мы летали столько же, сколько и мужчины из соседних полков дивизии. Помню, был налет на Ригу. Наш полк шел последним. А первым 124-й. У них в этом вылете 72 человека погибло. Почти весь полк! У нас раненых было человек 12. Но все вернулись, кроме экипажа Карасевой, который оказался в плену. Да... вот плена очень боялись... и боялись остаться калекой, слепой, хромой. Если пуля, то чтоб насмерть.

- Потери были в основном от зениток или от истребителей?

- В основном от зениток. Практически всегда было истребительное прикрытие. Первое время послабее, а с конца 44-го очень мощное.

- Подвергался ли Ваш самолет атакам истребителей?

- Да, подвергался. Однажды я даже видела лицо немецкого летчика, настолько близко подошел истребитель. Он заходил с правой стороны. Стрелок Степа Цымбал по нему стрелял, но не попал, а тот проскочил, скинул скорость и некоторое время летел рядом с нами в двадцати метрах. Ни мы, ни он не могли стрелять. Повернув голову, я увидела голову летчика в шлемофоне и лицо... Как в этой ситуации себя чувствовала? Спокойно. Он же в этом положении не опасен.

Так что в экипаже никогда не было нервной обстановки, хотя, возможно, каждый переживал внутри. Самое приятное чувство, когда бомбы сброшены и штурман говорит: «Пересекли линию фронта». Как хорошо, значит, живы! И облегченный самолет радуется так же, как и экипаж. И так каждый раз.